

Миссіонерскія извѣстія

по Ставропольской епархіи.

Еженедѣльный листокъ.

Приложеніе къ Ставропольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

№ 1-й. 1-го января 1917 года.

Размышленія пастыря.

Бываютъ у человѣка такіе моменты въ жизни, когда онъ задумывается надъ тѣмъ, что переживаетъ. И то, что когда-то ему казалось простымъ и обыкновеннымъ, въ исключительные моменты жизни пріобрѣтаетъ новый смыслъ. Думать о жизни—правило для всякаго человѣка, а для пастыря въ особенности. Тотъ, кто призванъ учить людей жизни, обязанъ самъ хорошо знать: какъ учить, какой жизни и почему именно той, а не другой. Для этой цѣли онъ истратитъ не мало времени на размышленія. Жизнь не останавливается, поэтому недостатка тѣмъ для мысли въ ней не можетъ быть. Пастырь руководитъ тысячами жизней. Руководство это обязываетъ его думать и заботиться не о себѣ только, но и о каждой отдѣльной единицѣ жизни. Сколько труда! Однако трудъ усугубляется для того пастыря, который живетъ въ сектантскомъ приходѣ. Вдѣ вести борьбу съ тою ложью жизни, которая дѣйствуетъ не открыто, а исподволь; которая часто прикрывается правдой, прячетъ признаки своей истинной сущности, какъ, напр., хлыстовство, поистинѣ подвигъ для

пастыря. А что мы скажемъ, если къ этому подвигу присоединимъ подвигъ борьбы съ свирѣпымъ бичемъ людскимъ пьянствомъ, а также улицей, растлѣвающей молодость воровствомъ, грабежемъ, ростовщичествомъ, обманомъ и проч. Неужели пастырю въ отчаяніи сложить руки, предоставивъ паству себѣ самой! Боже, сохрани! Какой это тогда онъ „свѣтъ міру?“ Какая — „соль земли?“ Какой учитель, какой врачъ? Вѣдь онъ — же проводникъ святой жизни! А иначе къ чему же сводится его роль?

Существенная черта въ вопросѣ о реформѣ прихода, можно сказать не колеблясь, — это возрожденіе пастырства. Пастырь, понявшій свое истинное назначеніе, приложить всѣ усилія воли, чтобы найти источникъ возрожденія, а возредившись, станетъ „свѣтомъ предъ людьми“, слѣд. будетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, оправдывая и осуществляя ту истину, которая гласитъ: „по имени твоему, тако и житіе твое“. Пастырь же, не понявшій своего назначенія или скрывающій свои пороки за маской лицемерія, станетъ въ глазахъ народа предметомъ отвращенія, негодованія, насмѣшекъ, ибо народъ очень пронизателенъ, онъ почувствуетъ фальшь. Не должно также слово, что „отъ сердца къ сердцу, отъ совѣсти къ совѣсти идетъ незримая связь“ (Булгаковъ С. Н.). Да можетъ ли быть въ этомъ сомнѣніе? Рано или поздно а маска лжи и лицемерія спадетъ и обнаружитъ подлиннаго человѣка, какъ стертая позолота мѣдную вещь. Мы знаемъ, что лицемеры, именующіе себя „братцами“, „старцами“, были руководителями народной толпы, но не выдерживали своей роли и съ шумомъ падали съ пьедестала, на который возводило ихъ заблужденіе. Обратимся къ современному пастырству и спросимъ: не испытываетъ ли оно противорѣчія, какое сказывается между тѣмъ, — что оно и чѣмъ должно быть? Много ли найдется такихъ пастырей, которые откровенно и сознательно скажутъ, что они на должной высотѣ своего званія? Справедливы ли будутъ упреки, бросаемые врагами Цер-

кви православному духовенству въ томъ, что оно безжизненно! Каждый честный пастырь можетъ по совѣсти разсудить, насколько справедливъ упрекъ. Сама жизнь вскрываетъ недостатки современнаго пастырства. Увеличивающееся невѣріе въ интеллигенціи и сектантство въ народѣ не ясны ли показатели того, что „свѣточѣ“ — пастыри мерцаютъ, а не ярко свѣтять?

Не существенный ли недостатокъ современнаго пастырства — малодушіе, а отсюда и молчаніе въ тѣ моменты, когда должно вопить?

Не утратило ли оно одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ своего званія — учительство?

Кажется, понятно теперь станеть страшное явленіе въ жизни православной церкви — сектантство всѣхъ сортовъ, нравы людскіе, поражающіе своею извращенностью, уродливостью, дикою грубостью и пр. Православный человѣкъ, хорошо наставленный въ вѣрѣ, сознательно и глубоко понявшій ее, развѣ пойдетъ въ секту, или станеть жить дурно? Конечно, нѣтъ. Наоборотъ, не слышавшій уроковъ назиданія, а питающійся суевѣріемъ, народными вымыслами, онъ будетъ увлекаться всякимъ вѣтромъ учившій и жить, какъ язычникъ, что и наблюдается въ жизни.

Если пастырь хорошо пойметъ свое значеніе для народа и почувствуетъ къ нему состраданіе, любовь, — онъ не далекъ отъ духовнаго обновленія. А это для него самого и для прихода — самое главное. Но обновленіе это должно произойти радикальнымъ образомъ, т. е. пастырь долженъ совершенно измѣнить свой внутренній обликъ, сдѣлаться „новою тварью во Христѣ“. Сколько же предполагается работы надъ самимъ собою? Говорятъ: человѣкъ никого такъ плохо не знаетъ, какъ самого себя. А для преобразованія своей души необходимо исполнить заповѣдь древняго мудреца: „познать самого себя“. Кажется, съ исполненія этой заповѣди начинали святую жизнь и праведники. Не съ этого ли необходимо начать возрождаться и намъ пастырямъ? Не сомнѣваемся въ

томъ, что есть обновившіеся пастыри; но они — исключе-
ніе, между тѣмъ какъ преобладающая масса спитъ сномъ
непробуднымъ: сама на себя наложила „оковы смерти“
и, страдая отъ боли, подавляетъ стоны. Не пора ли раз-
бить эти страшныя оковы о камень вѣры и стать на
этомъ камнѣ твердо? А кто на немъ сталь, тотъ уже не
убоится мірской угрозы и не заплачетъ въ безсиліи, а
мужественно скажетъ съ Златоустомъ: „сильны волны,
жестока буря! Но я не боюсь потопленія, ибо стою на
камнѣ. Пусть свирѣпѣетъ море, — не сокрушитъ оно
камня!“...

Священникъ Іоаннь Кондратовъ.
